

Андеграунд

Сегодня быть Петлюрой и дурак сможет. Попробовали бы вы взять подобный псевдоним в эпоху кумачовых транспарантов.

Совеседник — 1996 — № 12 — Саша ПЕТЛЮРА: 027

КОМУ Я НУЖЕН, НЕЧЕСАНЫЙ?

— У вас есть бумага, подтверждающая, что вы Петлюра?

— А вы не из милиции? Все у меня есть — и паспорт, и прописка. Я москвич с 1980 года. Когда меня из Харьковского художественного института выгнали, я сюда приехал и в Строгановское училище поступил. С той поры так и подписываюсь: «Александр Петлюра, Москва». Петлюра — мой псевдоним. Артистический. У Владимира Ульянова псевдоним был политический, а у меня артистический. Я ведь натура творческая. Для официальных лиц я Ляшенко, для всех, кто понимает, Петлюра. Некоторые, правда, еще Петрулей называют, говорят, что так точнее. Кто знает? Моя жизнь — сплошная анархия, про которую никто точно ничего сказать не может. Я не участвую ни в каких социальных перетряхах, не голосую, не митиную, ничего у государства не беру, ничего ему не даю. Зато я делюсь с людьми, которые в этом государстве живут. Конечно, искусство — это говно, оно не может прокормить художника, но я пока не подох. Правда, когда приезжаю к родне в деревню, слышу, что это селяне меня кормят. Мол, они сеют, пахнут, косят и так далее, тыры-пыры во все дыры. Они, значит, вкалывают, а я, который двадцать лет подряд шлет им в деревню деньги, чтобы зубами не шелкали на своей Украине, бездельничаю? Отлично получается!

Но так не только мой брат, который коров пасет, рассуждает. И у Министерства культуры похожая логика. Брат считает, что от голодной смерти меня спасает, а министерские чинуши чувствуют себя благодетелями из-за того, что подвал под музей мне выделили. Наверное, я должен быть очень благодарен за то, что мне швырнули кусок дерьма в центре Москвы? В подвале ни полов, ни отопления. Вещи, которые я собирал двадцать лет, пропадают, но кому это дело?

По роду занятий Саша Петлюра (он же — Александр Иванович Ляшенко) — художник-авангардист, режиссер, модельер. Но по сути Петлюра — живая легенда Москвы 90-х. Это его детище — культурно-историческое общество, именуемое то «Белым городом», то «Белой рекой», то «Свободной территорией». Впрочем, дело не в названии. Возглавляемая Сашей Петлюрой компания вольных художников, артистов, поэтов, философов и бунтарей без определенного рода занятий взлзлась отстоять и отстояла старинный особняк на Петровском бульваре, на месте которого хотели возвести стандартный бизнес-центр для new russian. Братство на Петровском просуществовало пять лет. Англичане сняли о нем телефильм, французский журналист прожил на Петровском год, собирая материал для книги об обитателях братства. Петлюру относят к немногочисленным представителям истинного андеграунда. Впрочем, Саша — противник любых эпитетов...

— Можно встряну с вопросом?

— Сейчас, мысль закончу, а потом встрянете. И я же еще должен думать, где каждый год брать три-четыре тысячи долларов, которые нужны для содержания моего музея! За аренду помещения платить ведь приходится мне, а не Министерству культуры. Впрочем, я не ропщу. Было бы странно, если бы авангардистское искусство поддерживалось государством.

— Слышал, что псевдоним Петлюра возник у вас не только по ассоциации с известным анархистом, но и с вполне конкретной петлей.

— Было время, когда я жил на грани жестких конфликтов. Я и сейчас на краю. С жизнью прощались несколько раз. То в подворотне какие-нибудь чмыри нападут и душище начнут, так что глаза из орбит вываливаются, то другая подлянка приключится. Я только тогда четыре раза. Капитально шел ко дну, чувствовал, что грань между жизнью и смертью пройдена. Параллельно, но я пережил свою смерть. Понимаете, для одних жизнь — часть смерти, для других же смерть — часть жизни.

— Нельзя ли на примерах?

— Какие тут могут быть примеры? Я же не мазохист, искусственно к смерти не тянусь... Первый раз я утопал, когда учился в седьмом классе. За доли секунды успел посмотреть кино о всей своей жизни — и про плохое, и про хорошее. Я даже собственные похороны увидел: как стоят над могилой люди и меня же осуждают за то, что без спроса пошел на реку. А то, что я рыбу ловил, низко наклонился и случайно в воду соскользнул, никто и не вспоминает. И так мне обидно стало, что решил я не тонуть. Во второй раз состояние было иное. Я пережил потусторонние ощущения. Понимаете, всегда новое кино. Тебе как бы дается понять, насколько ты чист или грязен перед Всевышним. Хоть бери и специально каждые три года устраивай себе такое чистилище...

— Что же мешает?

— Грань слишком тонка. Можно заглянуть на тот свет и назад не вернуться. Хотя в Америке нашлись типы, которые дошли до того, что устроили себе коммуны, где соединили смерть и жизнь. Это движение постихппи. Они лечили друг друга с помощью виселицы, научно просчитав, сколько мгновений человеку надо поболтаться на веревке, чтобы капитально вырубиться, повстречаться с праотцами, но не отлететь к ним навсегда.

— Но ведь можно, наверное, и опоздать с обрезанием веревки?

— Там все учтено: когда пена изо рта валит, когда моча по штанинам стекать начинает... Все четко: красивая смерть, после которой человек получал заряд для новой жизни. Кстати, зачинателем этого движения стал довольно богатенький американец, матерый хиппи, успевший к сорока годам сделать себе 28 так называемых электрошоковых операций. Только подобным образом он мог поджидать в себе интерес к жизни. Потом этот способ перестал по-

мочь, и вспомнили о виселице.

Я? В нашей стране и без виселицы не скучно. Уже привык упираться когтями, хлебать дерьмо ради того, чтобы подарить людям немножко красоты. Я могу сравнить себя с солдатом, несущим тяжелую службу. Это только дураки считают, что художники предаются синекуре и вечно бездельничают. Мне сорок лет, но я практически не отдыхаю в своей жизни. Постоянно паху. Пять лет корячился на Петровском, теперь уже год из этого подвала грязь выгребая. Больше всего убивает сознание того, что в любой момент у меня могут все отобрать. Я ведь для системы никто. Подвал мы получили полтора года. А все потому, что не могли дать взятку чиновникам, от подписей которых все зависело. Я приходил и прямо говорил, что у меня нет денег на подкуп. Все начинали смеяться, словно это удачная шутка. Посмеются, но помогать не торопятся. Я еще не успел перетасовать сюда свою театральную коллекцию, а участковый уже два раза прибегал. Соседи, добрые люди, наступали. Милиционер угрожал стал: мол, мы тебя еще за Петровский привлечем, знаем, что ты и здесь притон устраивать собираешься... И так далее... Я ему говорю: ну ты крутой, обстебал всех в три погibe-

ли, тыры-пыры, в жопе дыры, и пошел? Я же понимаю, против меня провокацию устроить ничего не стоит. Кому я здесь нужен, нечесаный? Справа от меня ночной клуб, слева — коммерческий мебельный салон и вдруг — какой-то авангардист. Гнать его!

— А с Петровского вас поперли?

— Наверное, можно и так сказать. Старого «Заповедника искусств» больше нет, хотя официально там сейчас создается некий социально-культурный и гостиничный комплекс.

— Похоже, вы проиграли?

— Я ни с кем ни во что не играл. Это ведь не война, не спор были, а пять лет нормальной жизни. Если следовать вашей логике, то тогда надо признать, что я всю жизнь проиграл. Глаз прищуришь и видишь: сорок лет вычеркнуты. Нет, Петровский был моим первым опытом. Представь сейчас шанс, я все начал бы с нуля. Я еще в институте попытался создать свою команду. Это необходимо для того, чтобы выжить. Художнику тяжело было, тяжело есть. Конечно, хотелось бы продолжения. Я предлагал тем, кто был на Петровском и у кого есть в Москве собственные квартиры, сдать их мэрии и попросить жилье под одной крышей. Могли бы жить коммуной, путешествовать по миру. Мы ведь уже и автобус купили... Меня не поддерживали, а я так хотел снова создать в рамках большой державы свое маленькое государство. Конечно, мы соблюдали бы общие законы, протестовали бы против войны, призывали к сохранению культуры, но смыслом жизни у нас оставалось бы искусство...

— Не получилось — и?

— Я сам установил для себя наказание: целый год строил дом в Тарусе. Я же всегда убегал от этого налаженного быта, от разных мешанских штук. Мне хватало спального меш-

ка, рюкзака с самым необходимым, а тут — дом!

— Для коммуны строили?

— Для себя, для жены. Мне потребовалось год корячиться на строительстве домины площадью двести шестьдесят квадратных метров, чтобы отойти от Петровского, в нормальное состояние вернуться. Я сходил с ума и всю энергию вкладывал в работу. Трудотерапия вылечила. Все, больше мне этот дом не нужен. Осенью я не успел заколотить фанеркой окно на первом этаже, так потом и не выбрался. Снег, дождь — мне уже все равно.

— Своими руками дом соорудили?

— Практически да. Кое-чему меня мастер из Тарусы подучил, столярным работам, к примеру, но я и сам многое знал. Мне же раньше часто приходилось халтурой подрабатывать — то доску почта для колхоза делал, то стенд победителей социалистического соревнования оформлял. И бетонными работами занимался, и фундамент клал... Все художники, выросшие в советскую эпоху, — ремесленники. Прошлый опыт в Тарусе мне очень пригодился.

Я вообще там много новых талантов в себе открыл. Дом ведь фактически построен из ничего. Денег у меня лишних не было, зато энергии строить в избытке. Поэтому работал с подручными материалами, с отходами. Все, что могло пригодиться в деле, собирал по всяким старым хуторам, брошенным дворам. А железо на крышу, к примеру, из Москвы привез — в театре «Эрмитаж» меняли кровлю, старую выбросили, я подобрал.

— «Фольксваген», который под окнами стоит, тоже кто-то списал в утиль?

— На «Фольксваген» я, если интересно, заработал ровно за семь минут. За выступление мне заплатили две тысячи долларов. На эту машину хватило.

— За что же такие деньги платят?

— За интервью, за работу с различными театрами... Я редко соглашаюсь на предложения с Запада, но иногда жизнь заставляет. Удивительно, но и у нас стали платить. Недавно в Москве проходил первый международный фестиваль авангардной моды, где мне вручили триста долларов за выступление и премию — целых пятьсот. Вышел на сцену, получил награду из рук Тани Друбич.

— Слышал, что вы не вышли, а вы-

ползли.

— Этот фестиваль вообще был сущим оскорблением российского авангарда. Кто додумался назвать его первым и тем более международным? Мы живем на земле бог знает сколько лет, и вдруг — первый! Для меня авангард идет от Андрея Рублева, Даниила Черного, Эль Греко. Если понимать под авангардом желание делать все по-новому, то кто может взять на себя смелость говорить в конце двадцатого века о какой-то особенной новизне? Московский клуб «Метелица» организовал свой фестиваль, ну и назвали бы его «Снежком», а лауреату присвоили бы титул Деда Мороза Авангарда. Нет, мало! А как быть с настоящими отечественными авангардистами, которые вынуждены были уехать из страны в семидесятые и восьмидесятые годы? Я же помню, какие раньше были вечеринки, какие люди на них ходили. Это не в счет?

Нет, не мог я спокойно выйти на сцену в «Метелице» и получить премию за вклад в российский авангард. Я просто обязан был выползти на коленях. Глупо прыгать, радоваться, что наконец-то хоть в такой пошлой форме, как фестиваль, об авангарде вспомнили. Но и совсем отказаться от баков я ведь тоже не мог. Жрать-то хочется и художнику...

— В сорок лет гибкость колен позволяет добираться на полусогнутых до сцены, а дальше? Так и помереть Петлюрой собираетесь?

— Дело же не в имени. У меня по жизни было три клички. В интернете меня за художавость и живучесть звали Кошеем Бессмертным. Я тогда спортом много занимался и без конца боролся за справедливость, хотел, чтобы слабых не обижали, чтобы все было по-честному. Эдакий маленький декабрист-идеалист. В харьковском институте меня нарекли Лешим — из-за того, что никогда не расчесывался и ходил с копной спутанных волос, вводя в заблуждение милиционеров, принимавших меня за пьяного или нашколотаго. А потом уже стал Петлюрой. В принципе я со всеми тремя прозвищами согласен.

Мне нравится быть разным, триединым. Найдут сундучок Кошее Бессмертного, может, он и умрет. Облысею, Лешему конец. Ну а уж если Петлюрой быть надоест, в батюку Махно переключусь. Главное — суть сохранить.

Андрей ВАНДЕНКО.

коллаж Елены Ульяновой

Петлюра (Саша)

03. 96